

Представительская природа единоличного исполнительного органа корпорации: несколько дополнительных аргументов

Аннотация. Определение правового статуса директора и иных членов органов управления юридического лица во многом зависит от концепций, раскрывающих правовую природу органов управления. Органическая теория считает директора неотъемлемой частью юридического лица и не позволяет распространять на него нормы о представительстве. Представительская теория, напротив, предлагает интеграцию директоров и других управляющих в парадигму давно известных институтов гражданского права. Напряжение между этими двумя подходами и продолжающиеся апелляции к органической теории побуждают нас привести в статье дополнительные аргументы (в том числе экономико-правовой, функциональный и исторический) в пользу концепции представительства органов юридического лица. По результатам исследования выясняется, что органическая теория действительно мало приспособлена для решения практических проблем, в то время как представительский подход не только вполне применим на практике, но и находит всё больше поддержки отечественных судов, соответствует традиции континентального частного права и доктрине юрисдикций общего права.

Ключевые слова: теории юридического лица; правовая природа; корпоративное право; общие положения о юридических лицах; директор корпорации; представительство; полномочия в гражданском праве; агентская проблема; фидуциарные обязанности; конфликт интересов.

Для цитирования: Филипенко В. А. Представительская природа единоличного исполнительного органа корпорации: несколько дополнительных аргументов // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 4. — С. 70–83. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.070-083.

Representative Nature of a Sole Executive Body of a Corporation: Several Additional Arguments

Viktor A. Filipenko, Postgraduate Student, Department of Business Law Regulation, Faculty of Law, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
viktoraf@bk.ru

Abstract. Determination of a legal status of a director and other members of management bodies of a legal entity largely depends on the concepts that reveal the legal nature of these organs of governance. The organic theory views the director as an integral part of the legal entity and does not allow the application of representation norms to directors. Conversely, the representative theory suggests integrating directors and other executive officers into the paradigm of well-known institutions of civil law. The tension between these two approaches and the ongoing

© Филипенко В. А., 2025

* Филипенко Виктор Александрович, аспирант департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
viktoraf@bk.ru

appeals to the organic theory prompt the author to provide additional arguments in the paper (including economic-legal, functional, and historical perspectives) in favor of the concept of representation of the governance bodies of a legal entity. The study reveals that the organic theory is insufficient to address practical issues, whereas the representative approach is not only practically applicable but also increasingly supported by domestic courts. It aligns with the tradition of continental private law and the doctrine of common law jurisdictions.

Keywords: theories of a legal entity; legal nature; corporate law; general provisions on legal entities; corporate director; representation; powers in civil law; agency problem; fiduciary duties; conflict of interest.

Cite as: Filipenko VA. Representative Nature of a Sole Executive Body of a Corporation: Several Additional Arguments. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(4):70-83. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.173.4.070-083.

Правовой статус единоличного исполнительного органа (ЕИО) юридического лица — унитарного или корпоративного, — как и правовая природа органов юридического лица, конвенционально не определен. Споры по этому поводу идут не одно столетие, в том числе в отечественном правовом порядке, причем основные столкновения происходят на полях корпоративного права, ведь для данной подотрасли гражданского права субстанциально важным является вопрос о правовом статусе директора корпорации.

По большей части дискуссии ведутся вокруг двух теорий: представительской, в соответствии с которой директор выступает представителем корпорации¹, и органической, рассматривающей директора в качестве органа — неотъемлемой части юридического лица².

Проблема выделяется из ряда других похожих теоретических споров своей практической значимостью, поскольку выбор той или иной позиции (теории) обуславливает конструирование на уровне закона специальных положений о статусе, обязанностях и ответственности директоров, реализацию этих положений на этапе

правоприменения. При этом в зависимости от выбранной позиции статус директора может укладываться в давно известные частному праву институты, помогающие ответить на отдельные вопросы, прямо не предусмотренные законодательством, либо, наоборот, статус директора (а равно его права и обязанности) будет выводиться из каких-то «особых» построений, в достаточной степени не описанных цивилистической наукой и требующих принципиально нового подхода (если такой подход вообще можно сформулировать на данном этапе развития права и общества).

Несмотря на большое количество публикаций по заявленной теме и заметный отход судебной практики от одной из теорий (о чем более подробно будет сказано далее), споры относительно природы ЕИО по-прежнему продолжают, а некоторые исследователи настаивают на отсутствии у директора корпорации представительского статуса. В связи с этим полагаем необходимым еще раз обратить внимание на ряд принципиальных моментов, связанных с практической реализацией обеих теорий, и привести дополнительные аргументы в пользу

¹ См., например: *Гуляев А. М.* Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. С. 85 ; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М. : Юрайт, 2017. С. 91 ; *Кузнецов А. А.* Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 4–31 ; *Он же.* Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М. : Статут, 2017 ; *Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов.* М. : М-Логос, 2018. С. 939–945 (автор комментария — Е. А. Папченкова).

² См., например: *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. М. : Статут, 1997. Ч. 1. С. 126 ; *Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов.* М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 188 (автор главы — Е. А. Суханов) ; *Корпоративное право : учебник / отв. ред. И. С. Шиткина.* М. : Статут, 2019. С. 523 (автор главы — И. С. Шиткина).

представительской теории, не ограничиваясь аргументами формально-юридического (догматического) и сравнительно-правового характера.

Формально-юридический аргумент

Органическая теория, насчитывающая сегодня больше всего сторонников в отечественной юридической науке³ и, как принято считать, закрепленная в законе⁴, рассматривает директоров как выразителей воли корпорации, не имеющих собственной правосубъектности⁵. Они не представляют корпорацию в отношениях с третьими лицами, а «представляют» от ее имени⁶. Соответственно, к директорам неприменимы нормы о представительстве и доверенности⁷; директора просто реализуют полномочия «части юридического лица», установленные законом, уставом и внутренними документами корпорации.

Получается, если директор является частью юридического лица, то он имеет права, исполняет обязанности и несет ответственность перед самим собой (точнее, юридическое лицо в проявлении директора исполняет перед собой обязанности добросовестности и разумности, несет определенную ответственность). С точки зрения догматической юриспруденции и формальной логики данное положение вещей выглядит как минимум спорно и даже абсурдно.

Сторонники органической теории, осознавая, вероятно, спорность обозначенного выше построения, предпринимают попытки сделать некоторые уточнения. Они утверждают, что сами по себе органы юридического лица не являются субъектами права, поэтому, например, не несут обязанности действовать добросовестно в интересах юридического лица. Однако «субъектами права, несомненно, являются члены органов управления, которые наделены правами и обязанностями, в том числе обязан-

³ *Мамагешвили В. З.* О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 36–73 ; *Крашенинникова И. С.* Орган юридического лица: правовая природа, понятие, признаки // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 28.

⁴ Согласно п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом. Некоторые авторы полагают, что приведенная формулировка указывает на органическую теорию, поскольку речь якобы идет о приобретении прав и принятии обязанностей юридическим лицом через «части единого целого», а не через физических лиц — представителей (см.: *Мамагешвили В. З.* Указ. соч.). Однако, на наш взгляд, формулировка ст. 53 ГК РФ сама по себе едва ли говорит нам об однозначно избранном законодателем подходе и не представляет собой квалифицированное умолчание, согласно которому лица, входящие в органы управления, не являются представителями.

⁵ *Сумской Д. А.* Концепция органа юридического лица в теории гражданского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 20.

⁶ *Черепяхин Б. Б.* Органы и представители юридического лица // Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. С. 472.

Очевидная подмена понятий, сделанная Б. Б. Черепяхиным, по всей видимости, призвана сгладить противоречие в аргументации сторонников органической теории, возникающее при переходе к вопросу о взаимодействии корпорации с третьими лицами. Но данное противоречие, конечно, нельзя произвольно устранить заменой слова «представляют» на симулякр «представляют», и в этом видится первый изъян органической теории.

⁷ В той части, которая непосредственно не затрагивает самих директоров, поскольку они и так действуют в интересах юридического лица без доверенности. Но, например, судьба доверенностей, выданных сотрудникам корпорации бывшим директором, может быть различна в зависимости от того, какой статус «применяется» на директора.

ностью действовать добросовестно»⁸. Тогда становится еще более непонятно, в чем разница между неправосубъектным ЕИО и правосубъектным лицом, осуществляющим функции ЕИО, какие последствия из этого вытекают и почему нельзя считать директора представителем. Полагаем, противоречия возникают вследствие искусственного разделения органа юридического лица как совокупности предусмотренных законом и уставом полномочий и физических лиц⁹, осуществляющих данные полномочия. Последние, вне всяких сомнений, являются субъектами гражданского права, реализующими совокупность предоставленных (делегированных) им полномочий.

Противоречия органической теории усугубляются, когда те же самые авторы раскрывают концепцию конфликта интересов членов органов управления корпорации, обращаясь к агентской проблеме¹⁰. Это говорит либо о некоторой непоследовательности органической теории, либо о невозможности ее полного воспроизведения даже сторонниками консервативного подхода, поскольку конфликт интересов — это ключевая проблема именно агентских и представительских отношений¹¹.

Рассуждения об органической природе лиц, входящих в органы управления корпорации, не находят своего подтверждения даже в областях, на первый взгляд наиболее способствующих такой постановке вопроса (имеется в виду советская и современная доктрины административного права). Известно, что исполнительные органы в административном праве — составные части государственного аппарата¹². При этом на практике органы действуют и реализуют свои

полномочия не самостоятельно, а через должностных лиц, не являющихся исполнительными органами¹³. Должностные лица выступают представителями государства (государственного органа, государственной организации) и реализуют от имени государственного органа властные полномочия, имеют право совершать от имени соответствующих органов юридически значимые действия¹⁴.

Безусловно, представительство в административном праве понимается в специально отраслевом смысле и не является гражданско-правовым представительством, но методологически, полагаем, приведенные выше тезисы можно взять на вооружение. Доктрина административного права, обладая богатым опытом советского периода и неограниченной возможностью конструирования органических теорий и теорий «лица-функции», тем не менее не отстраняется от идентификации лиц, выступающих от имени государственных органов или государственных организаций, в качестве представителей. На наш взгляд, еще меньше оснований отстраняться от данной концепции у исследователей в сфере частного права, поскольку последнее как раз имеет давно оформившийся и достаточно проработанный институт представительства.

Шатки позиции органической теории и на практике. Если многие процессы, происходящие внутри корпорации (взаимодействие с работниками, выдача доверенностей, созыв и проведение собраний, издание локальных актов и т.п.), действительно могут быть объяснены через теорию органа юридического лица, то большое количество ситуаций, связанных с взаимодейст-

⁸ Демьянова М. В. Принцип добросовестности в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 170.

⁹ А также в определенных случаях юридических лиц (п. 3 ст. 65.3, пп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК РФ).

¹⁰ Демьянова М. В. Указ. соч. С. 170–173.

¹¹ Schneeman A. Law of Corporations and Other Business Organizations. 5th ed. Delmar Cengage Learning, 2009. P. 13.

¹² Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Попов. М. : Юрайт, 2014. С. 96.

¹³ Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров. С. 97.

¹⁴ Кононов П. И. Должностные лица в административных правоотношениях: понятие и виды // Полицейское право. 2007. № 1 (9). С. 18.

вием с третьими лицами и совершением сделок в отношении себя лично, фактически остаются без разрешения¹⁵. И здесь просто не обойтись без рассмотрения директора в качестве представителя (агента) корпорации.

Юридические лица не могут существовать абсолютно обособленно и вступать в отношения с третьими лицами через невидимые импульсы. Юридические лица полностью зависят от деятельности людей — физических лиц и обладают только теми возможностями, которые им предоставляют закон и учредительные документы¹⁶. Эти возможности потенциальны. Чтобы претворить их в жизнь путем коммуникации с третьими лицами, корпорациям нужны агенты-представители, а агентам нужны полномочия. Основные полномочия «уставных представителей» корпорации вытекают из закона, но многие важные вопросы регламентируются в уставе или внутренних документах, детализирующих скрытую от третьих лиц сторону представительства.

С точки зрения органической теории назначение директором премий и стимулирующих выплат самому себе может показаться нормальной ситуацией (орган, как часть юридического лица, определяет условия финансирования части юридического лица), но с позиции представительства это действия в состоянии явного конфликта интересов, совершение которых дает представляемому возможность оспорить сделку по правилам о сделках с заинтересованностью или, если речь идет о других

организационно-правовых формах (не хозяйственных обществах), на основании п. 3 ст. 182 ГК РФ¹⁷.

Если говорить о совершении сделок с нарушением директором уставных ограничений, то крайне сложно посредством органической теории обосновать, почему третьи лица не должны проверять содержание устава и внутренних документов корпорации на предмет ограничения условий осуществления полномочий директора¹⁸, ведь действия директора следуют в том числе из полномочий, установленных внутренними документами корпорации, а третьи лица вступают в отношения именно с корпорацией (кажущееся тождество внешней и внутренней стороны представительства). К. И. Скловский давно отметил, что только представительский подход может адекватно объяснить телеологию оспаривания сделок, совершенных директором с превышением полномочий (п. 1 ст. 174 ГК РФ) или в противоречии с интересами общества (ныне п. 2 той же статьи). Формальный органический подход, гласящий, что орган юридического лица способен на все действия, доступные самому юридическому лицу (воплощение всей дееспособности юридического лица в его органе), не описывает суть проблемы и уводит нас в сторону¹⁹.

Тот же автор ранее наглядно объяснил, что статья 174 ГК РФ, призванная оптимально разрешать практические ситуации с конфликтом интересов директоров, отражает проблематику внутренних и внешних условий осуществления полномочий, в аналогичном виде присутствующую

¹⁵ О некоторых примерах (уже, правда, решенных высшими судами с ориентацией на представительство) см.: Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 943–945 (автор комментария — Е. А. Папченкова) ; *Егоров А. В.* Директор юридического лица: на стыке гражданского и трудового права // Закон. 2022. № 10. С. 51–64.

¹⁶ *Comparative Company Law. Text and Cases on the Laws Governing Corporations in Germany, the UK and the USA / by A. Cahn, D. C. Donald.* 2nd ed. Cambridge University Press, 2018. P. 366.

¹⁷ П. 121 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс» ; *Егоров А. В.* Указ. соч.

¹⁸ См.: п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

¹⁹ *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве : учеб.-практ. пособие. 3-е изд. М. : Дело, 2002. С. 204.

щую в институте представительства²⁰. При этом из двух подходов к определению полномочий директора (формального, согласно которому полномочия директора исчерпываются неким закрытым перечнем, зафиксированным в законе или учредительном документе, и содержательного, в соответствии с которым директора вправе совершать любые действия, но ориентируясь при этом на интересы представляемого) К. И. Скловскому более обоснованным видится второй подход, поскольку он позволяет бороться с конфликтными действиями директоров и не забывать, что «полномочие существует лишь постольку, поскольку оно осуществляется в чужом интересе (принципала, доверителя, учредителя и пр.)»²¹.

Далее, при совершении сделок с корпорацией контрагенты зачастую исследуют всю цепочку делегирования полномочий (передачи представительства) от лица, подписывающего договор от имени корпорации, до конкретных положений устава и решения о назначении директора²². Получается, что полномочия, принадлежащие «части юридического лица», могут передаваться другим лицам. В таком случае либо эти лица становятся представителями корпорации, и тогда аналогичный вывод мы должны сделать в отношении директора, либо они тоже становятся частью юридического лица (органом). Конечно, более разумным представляется первый вывод.

В связи с наличием перечисленных выше и других примеров²³ отставания органической теории от потребностей оборота российский правопорядок приблизился к частичному утверждению представительской природы ЕИО. Так,

в п. 121 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 отмечено, что в силу специфики представительства юридического лица на органы юридического лица распространяются некоторые положения ГК РФ о представительстве: п. 1 и 3 ст. 182 (основания представительства, сделочный эффект представительства и действия в состоянии конфликта интересов), ст. 183 (превышение представительских полномочий и действие без полномочий) и, в случае наделения полномочиями ЕИО нескольких лиц, п. 5 ст. 185 ГК РФ (доверенность, выданная нескольким лицам). Фактически были зафиксированы и две стороны представительских отношений с участием директора, которые ранее выделялись в доктрине (внешние и внутренние)²⁴.

Таким образом, отрицать представительский статус ЕИО юридического лица с точки зрения догматики на сегодняшний день крайне проблематично. Но в качестве компромисса с представителями органической теории полагаем возможным допустить, что директор юридического лица имеет двоякий статус: в отношениях внутри юридического лица он является органом, а в отношениях с третьими лицами и в ситуациях с конфликтом интересов — представителем. Показательно, что в одном из относительно недавних обзоров практики Верховный Суд РФ, описывая статус директора, указал, что директор отвечает перед участниками и за управление доверенным ему обществом (директор как орган юридического лица), и за представление интересов общества при заключении сделок с иными участниками оборота (директор как представитель)²⁵.

²⁰ Скловский К. И. Указ. соч. С. 187.

²¹ Скловский К. И. Указ. соч. С. 200–201.

²² Comparative Company Law. P. 366.

²³ См. другие примеры применения положений о представительстве к проблемным аспектам деятельности директоров: Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель.

²⁴ Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк ; Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 620–622 (автор комментария — А. Г. Карапетов).

²⁵ П. 12 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Сравнительно-правовой аргумент и агентская проблема

Примерно так же, но гораздо более решительно на вопрос о статусе директора юридического лица отвечают в зарубежных юрисдикциях. В Германии директор признается не только органом юридического лица, но и представителем в контексте гл. 5 Германского гражданского уложения (BGB)²⁶. К директору применяются положения о представительстве, в частности о заключении сделок с самим собой и о множественном представительстве (§ 181 BGB)²⁷. Указание на органический аспект природы директора, по мнению некоторых исследователей, является лишь данью уважения авторитету О. фон Гирке²⁸, который и разработал в XIX в. органическую теорию юридического лица. В целом же постулаты представительской теории взаимоотношений между участниками, менеджментом и корпорацией принимаются юридическим сообществом Германии и не ограничиваются сугубо правовым истолкованием²⁹ (имеется в виду, например, экономический анализ права).

Англо-американское право наделило директора статусом агента по меньшей мере в середине XIX в. (ранее директора рассматривались как доверительные управляющие — трасти)³⁰. В одном из дел³¹ суд постановил, что корпорация является фиктивной личностью, способной действовать только через директоров. Отношения между корпорацией и директором не-

значительно отличаются от отношений между принципалом и агентом; по договорам, заключенным директором от имени корпорации, ответственность несет корпорация. На основе этого судебного акта впоследствии решалось множество дел, конкретизировались обязанности и ответственность директора как агента корпорации. В частности, были решены вопросы о прямой ответственности директора перед кредитором корпорации³² (казалось бы, этот вопрос вообще не может быть поставлен, если директор — это часть юридического лица), о разных правах и обязанностях директора нескольких корпораций³³, о возможности ратификации несанкционированных действий директора³⁴ и др.

Еще дальше пошел экономический анализ права (англ. law & economics, L&E) — политико-правовое методологическое направление, объясняющее юридические явления через призму экономики и поведенческих стимулов. В рамках L&E сформировалась так называемая агентская проблема (англ. agency problem), предполагающая, что в отношениях, в которых интересы отдельных лиц опосредуются наличием агентов, происходит конкуренция экономических и иных интересов, а также непропорциональное распределение издержек и информационная асимметрия³⁵.

Не вдаваясь в детали экономического анализа, отметим, что агентская проблема имеет вполне реальное правовое воплощение. Зарубежные юрисдикции (особенно англо-амери-

²⁶ Flume W. Die juristische Person. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. Zweiter Teil. Springer-Verlag, 1983. S. 357 ff.

²⁷ Madisson K. Duties and Liabilities of Company Directors Under German and Estonian Law: A Comparative Analysis // RGSL Research Papers. 2012. No. 7. P. 19.

²⁸ Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель.

²⁹ Baums T. Personal Liabilities of Company Directors in German Law. Osnabrück : Univ., Inst. für Handels und Wirtschaftsrecht, 1996. P. 3–5.

³⁰ Kershaw D. The Path of Fiduciary Law // LSE Legal Studies Working Paper. 2011. No. 6. P. 25–29 ; Smith T. E. A Summary of the Law of Companies. 3rd ed. London : Stevens and Haynes, 1885. P. 53.

³¹ Ferguson v. Wilson (1886) L.R. 2 Ch. 77.

³² Elkington & Co. v. Hurter (1892) 2 Ch. D. 452.

³³ Re Hampshire Land Co., Ltd. (1896) 2 Ch. D. 743.

³⁴ Bhajekar v. Shanker (1934) 4 c. cases, 433 case.

³⁵ Jensen M. C., Meckling W. H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. Vol. 3. Iss. 4. P. 305, 308–309.

канские), в отличие от отечественного право-порядка, почти всегда выделяют такой признак корпорации, как делегирование управленческих полномочий³⁶. Участники (акционеры) по большому счету устраняются от управления корпорацией (отделение собственности от контроля) и для минимизации управленческих издержек наделяют представляющее лицо (директора, совет директоров, правление) неограниченными полномочиями³⁷. При этом участники (акционеры) оставляют за собой возможность принимать наиболее важные решения путем использования корпоративного контроля, воплощенного в голосовании на общих собраниях.

В Германии управление всеми делами акционерного общества под свою ответственность осуществляет правление (нем. Vorstand, совет директоров в англо-американском праве или единоличные исполнительные директора в российском праве)³⁸. Немецкие комментаторы уточняют, что в этом контексте различают собственно управление (нем. Geschäftsführung) и руководство (нем. Leitung). Первое понятие является чрезвычайно широким по своему содержанию и включает в себя любую фактическую или юридическую активность от имени корпорации³⁹, управление текущей деятельностью компании⁴⁰; вторым понятием оперируют в специфических сферах деятельности директоров⁴¹ и при решении вопроса о соблюдении директором обязанности действовать с должной заботой.

Как видим, и немецкий правопорядок исходит из того, что сфера компетенции правле-

ния (и полномочий отдельных директоров) не ограничивается строго заданными рамками, а, напротив, простирается на любые действия, совершаемые от лица корпорации⁴². Более того, в соответствии с важным постулатом немецкого корпоративного права, правление действует независимо и на свое усмотрение, вправе не исполнять предписания общего собрания участников или наблюдательного совета⁴³.

Неограниченность полномочий по любым вопросам жизнедеятельности юридического лица неизбежно повышает риск недобросовестного (оппортунистского) поведения директоров и издержки участников на осуществление мониторинга, превенцию неправомерных действий. Зафиксировав статус директора в ключевых зарубежных правопорядках и важную роль представительских (агентских) концепций, перейдем теперь к функциональному аргументу в пользу представительской природы ЕИО и специфическим обязанностям, призванным минимизировать агентскую проблему.

Функциональный аргумент и фидуциарные обязанности директора

Инструментально и функционально агентская проблема если не исчерпывается, то по крайней мере минимизируется за счет специфических обязанностей и особой ответственности директора-представителя (агента) перед принципалом (участниками и самой корпорацией).

³⁶ Turner J. D. The Development of English Company Law Before 1900 // Queen's University Centre for Economic History Working Paper Series. 2017. No. 1. P. 2.

³⁷ Schneeman A. Op. cit. P. 338.

³⁸ § 76 (1) Закона об АО (AktG).

³⁹ AktG: Kommentar zum Aktiengesetz / T. Wachter, U. Blaurock, M. Bormann (Hgs.). 4 Aufl. RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH & Co. KG. Köln, 2022. § 76. Rn. 4. S. 524.

⁴⁰ Baums T. Op. cit. P. 2–3.

⁴¹ AktG: Kommentar zum Aktiengesetz. § 76. Rn. 4. S. 524.

⁴² При этом, конечно, закон устанавливает отдельные «управленческие задачи», на выполнение которых должны направляться усилия директоров. Эти задачи специально подчеркиваются для защиты интересов кредиторов или общественных интересов. Подробнее см.: AktG: Kommentar zum Aktiengesetz. § 76. Rn. 6. S. 524.

⁴³ AktG: Kommentar zum Aktiengesetz. § 76. Rn. 15. S. 526–527; GmbHG: Kommentar zum GmbH-Gesetz // R. Bork, C. Schäfer (Hgs.). 3 Aufl. RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH & Co. KG. Köln, 2015. § 35. Rn. 1. S. 754.

В условиях тотальной неполноты «корпоративного контракта» и бессрочности корпоративных правоотношений издержки на мониторинг могут оказаться колоссальными и совершенно неоправданными, поскольку директор для каждого вопроса своей компетенции может придумать вариант недобросовестного (оппортунистского) поведения. Отслеживать каждое действие директора и просчитывать все варианты недобросовестного поведения не только невозможно, но и не рационально. В этой связи уже право приходит на помощь экономическому анализу и разрабатывает стандарты поведения, применимые в условиях неограниченных полномочий директора-представителя, — фидуциарные обязанности⁴⁴.

Основная фидуциарная обязанность — обязанность лояльности (верности) — отражает многолетний опыт зарубежных судов по разрешению споров с конфликтом интересов директоров и подразумевает, что лицо, управляющее чужим делом (корпорацией, бизнесом), должно действовать в интересах чужого дела и не допускать извлечения частных выгод в свою пользу. Стандарты лояльного и заботливого поведения являются действенным изобретением трастового и корпоративного права, появившимся в качестве ответа на вызовы агентской проблемы. Интересно, что эти стандарты касаются не только внешней стороны деятельности директора (то есть отношений корпорации с третьими лицами), но и внутренней: директора и иные менеджеры должны действовать добросовестно и учитывать интересы участников (акционеров), работников, кредиторов, общества в целом.

Наличие фидуциарных обязанностей и фидуциарной ответственности, носящей штрафной характер, подчеркивает специфику отношений между директором и корпорацией по сравнению с иными гражданско-правовыми отношениями. При этом похожие стандарты поведения и подходы к ответственности обнаруживаются и

в других фидуциарных отношениях, отмеченных передачей чужого дела (имущества) под управление стороннего лица (трасти, поверенного, адвоката, доверительного управляющего и т.п.), что еще раз говорит в пользу представительского статуса директора. Органическая теория аналогичных решений и механизмов превенции недобросовестного поведения не предлагает.

Исторический аргумент

Возможно, аргументы в поддержку органической теории скрываются в истории корпоративного права и генезисе корпоративного управления. Но и здесь однозначных свидетельств отождествления ЕИО или иных управляющих исключительно с органом юридического лица мы не находим.

Корпорации античного периода, не имеющие в те далекие времена четкой легитимации со стороны уполномоченной власти и потому, на первый взгляд, подпадающие под органическую теорию, тем не менее выступали в суде через специального уполномоченного, действующего от имени и в интересах объединения, а не отдельных его членов⁴⁵.

Далее, однако, юриспруденция стала закрепощать корпоративную сущность некоторых союзов и объединений. Закрепощение происходило по двум направлениям: с одной стороны, религиозные организации (по большей части христианские) всё чаще признавались институтами-учреждениями (т.е. унитарными юридическими лицами), органически составляющими единую церковь; с другой стороны, императорская власть христианского периода стремилась показать, что только она является источником полномочий любых органов управления в иных корпорациях (городах, общинах и т.д.)⁴⁶. В этой связи управляющие и администраторы различных юридических лиц, наделен-

⁴⁴ Comparative Company Law. P. 351–352. В российском законодательстве фидуциарные обязанности лиц, входящих в органы управления корпорации, закреплены в п. 3 ст. 53 ГК РФ.

⁴⁵ Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. С. 50.

⁴⁶ Суворов Н. С. Указ. соч. С. 52–54.

ные собственными правами и обязанностями⁴⁷, всё же рассматривались как органы, а не как представители⁴⁸.

В период раннего Средневековья, до укрепления теории фикции канонистами и легистами (а также папой Иннокентием IV) в XIII в., органическая теория уступила достаточно места представительской концепции. Например, действовавшим на протяжении более тысячи лет уставом одного из самых известных корпоративных монашеских орденов — ордена бенедиктинцев⁴⁹ предусмотрен двойной статус главы монастырской общины (аббата). С одной стороны, должность аббата является органической: лицо, достойное избрания на эту должность, принимает имя и бремя аввы, осуществляет функции попечителя и руководителя; аббат управляет всеми делами монастыря, принимает все необходимые решения и обладает авторитетом в глазах членов общины⁵⁰. С другой стороны, устав прямо указывает, что аббат является представителем Христа⁵¹ и несет специфические обязанности, которые в современной парадигме частного и корпоративного права можно назвать фидуциарными: перед принятием решения аббат обязан созвать совет братии (общее собрание участников корпорации), причем на совет должны быть приглашены все члены общины, даже самые юные⁵²; аббат вправе принять решение на свое усмотрение, но при этом обязан действовать «осмотрительно и с правдой»⁵³, ведь по результатам своей деятельности он бу-

дет призван к ответу⁵⁴. Большое значение имеет личность аббата и его персональные качества. Аналогичные положения были предусмотрены уставами других монашеских орденов и религиозных объединений.

Из этого следует, что руководители монашеских общин и даже орденов в раннем Средневековье не рассматривались исключительно с точки зрения органической теории, имели собственную правосубъектность и довольно обширные полномочия, причем как внутренние, так и внешние.

Еще меньше сомнений в представительской природе ЕИО должно было остаться по результатам утверждения и дальнейшего развития теории фикции⁵⁵, предполагающей, помимо прочего, что юридическое лицо не может самостоятельно вступать в правоотношения и нуждается в представителях⁵⁶. Однако сомнения продолжали возникать вследствие появления теоретического обоснования органической теории в XIX в.

Если говорить об истории коммерческих корпораций, то они в своем становлении и развитии во многом следовали за некоммерческими объединениями Средневековья и раннего Нового времени: церковными организациями, университетами, богадельнями, купеческими гильдиями и иными сообществами по интересам. Коммерческие корпорации в дополнение к признакам имущественной обособленности и самостоятельной юридической личности об-

⁴⁷ Например, правом отыскивать наследство, оставленное в пользу «членов» странноприимных домов. См.: *Savigny F. K. v. System des Heutigen Römischen Rechts. Bd. II. Berlin, 1840. S. 271.*

⁴⁸ *Savigny F. K. v. Op. cit. S. 271.*

⁴⁹ Содержание устава приводится в соответствии с одним из списков: *Regula Sancti Benedicti (787–799). Bayerische Staatsbibliothek. Bavaria, 1979. 128 S.*

⁵⁰ *Regula Sancti Benedicti (II, 1, 3 ; III, 2).*

⁵¹ *Regula Sancti Benedicti (II, 1).*

⁵² *Regula Sancti Benedicti (III, 1).*

⁵³ *Regula Sancti Benedicti (II, 2, 3, 6, 8 ; III, 1 ; LXIV, 2).*

⁵⁴ *Regula Sancti Benedicti (II, 8 ; III, 2).*

⁵⁵ Теория фикции, в отличие от органической теории, считает юридическое лицо продуктом мышления и юридической техники, не имеющим реального воплощения и существующим постольку, поскольку некое объединение или совокупность имущества признается правопорядком. Подробнее см.: *Savigny F. K. v. Op. cit. S. 236–240.*

⁵⁶ *Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 124.*

завелись уставным капиталом, разделенным на доли⁵⁷. Активно развивалась и идея делегирования полномочий директорам и другим управленцам. В каких-то акционерных компаниях Нового времени участники в соответствии с хартией монарха были вправе избирать членов совета директоров (англ. Court of Directors)⁵⁸; в других же компаниях директора назначались исключительно самим монархом, хотя неэффективность такого порядка формирования органов управления была осознана уже через несколько лет⁵⁹. И в том и в другом случае директора обладали значительной дискрецией и выступали от имени акционерной компании, особенно это прослеживалось в Московской компании, основанной в 1551 г.⁶⁰

В период между промышленной революцией и концом XIX в. в британских инкорпорированных и неинкорпорированных⁶¹ бизнес-компаниях происходило отделение собственности от контроля. Управленческие полномочия делегировались директорам и иным менеджерам⁶², которые, как уже было сказано ранее, признавались судебной практикой агентами корпорации (хотя представительство неинкорпорированных компаний при возникновении спорных ситуаций квалифицировалось с трудом)⁶³. Еще раньше директора и другие менеджеры рассматривались в качестве трасти, то есть своего рода доверительных управляющих чужим делом, что

также свидетельствует о восприятии представительской (агентской) теории.

Параллельно и в странах континентальной Европы шел процесс сближения статуса директора в корпоративных отношениях со статусом лиц, ведущих чужое дело (отношения агентирования)⁶⁴. Зарубежные исследователи отмечают, что статус директоров и их обязанности в европейских правовых системах генетически восходят к концепции древнеримского договора поручения⁶⁵.

Справедливости ради оговоримся, что из истории корпоративного права можно почерпнуть и ряд контраргументов в отношении представительской теории. Например, сложно оспаривать отчасти публично-правовой статус и органический характер полномочий генерал-губернатора Британской Ост-Индской торговой компании, оторванность подобных военизированных формирований, создаваемых пожалованием со стороны публичной власти, от привычных юридических лиц частного права и т.д. Однако здесь необходимо обратить внимание на одно обстоятельство.

Несмотря на то что мы приводим исторический материал для дополнительного опровержения органической теории, сам по себе исторический аргумент является, конечно, достаточно спорным. В отсутствие исчерпывающих и однозначных свидетельств содержание аргумента фактически сводится к следующим моментам:

⁵⁷ *Turner J. D. Op. cit. P. 4.*

⁵⁸ См., например, хартию, пожалованную Английской (позднее Британской) Ост-Индской торговой компании: *Shaw J. Charters Relating to the East India Company from 1600 to 1761: Reprinted From A Former Collection With Some Additions And A Preface For The Government Of Madras. Franklin Classics, 2018. P. 3–4.*

⁵⁹ Так было в компаниях «по колонизации Северной Америки»: Вирджинской и Плимутской. Подробнее см.: *Gevurtz F. A. The Historical and Political Origins of the Corporate Board of Directors // Hofstra Law Review. 2004. Vol. 33. Iss. 1. P. 111–115.*

⁶⁰ *Gevurtz F. A. Op. cit. P. 116.*

⁶¹ Под неинкорпорированными компаниями имеются в виду договорные партнерства, похожие на товарищества континентальной Европы, изначально не имеющие личности юридического лица, ограниченной ответственности и организационного единства.

⁶² *Turner J. D. Op. cit. P. 11.*

⁶³ *Turner J. D. Op. cit. P. 11–12.*

⁶⁴ *Gelter M., Helleringer G. Fiduciary Principles in European Civil Law Systems // ECGI Law Working Paper. 2018. No. 392. P. 11–14.*

⁶⁵ *Gelter M., Helleringer G. Op. cit. P. 11.*

1) какая теория юридического лица и модель получения правоспособности — концессионная (распорядительная), разрешительная или явочная — господствовала на том или ином этапе исторического развития;

2) какой управомоченный субъект — публичная власть (в том числе монарх) или участники (учредители) — формировал производные органы управления корпорации и назначал директоров;

3) насколько полным набором полномочий обладал директор и действительно ли он выступал от имени корпорации.

В этой связи мы согласны с некоторыми авторами в бесперспективности чрезмерного углубления в исторические аспекты природы ЕИО, поскольку та или иная концепция (теория) действительно имела значение на конкретном этапе исторического развития общества и государства и сейчас может быть неактуальной⁶⁶. Например, концессионная модель наделяния акционерной компании правоспособностью путем пожалования этой компании хартии со стороны монарха сама по себе не означает, что директор является только представителем или только органом юридического лица. Назначение управляющих церковными иерархами не свидетельствует об органической природе аббата или руководителя религиозной организации и невозможности рассмотрения их природы с точки зрения представительства.

Тем не менее исторический аргумент показывает, что с течением времени законодатели и

суды всё чаще склонялись к представительской теории ЕИО (а точнее, высказывались в пользу применения норм о представительстве или поручении к директорам). Органическая теория (а точнее, ее предшественники до XIX в.), напротив, почти не была артикулирована и не имела какого-то конкретного содержания в контексте статуса ЕИО. Полагаем, сегодня, на данном этапе исторического развития, с учетом догматического, сравнительно-правового и функционального аргументов, более практически значимой и актуальной является представительская теория.

Заключение

Как показало исследование, органическая теория ЕИО вызывает гораздо больше вопросов, чем дает ответов. Она внутренне противоречива, догматически недостаточно обоснована и почти не помогает решать практические проблемы. В этой связи хочется еще раз обратить внимание на гораздо более осмысленный и функционально полезный подход — представительскую теорию.

В статье мы попытались показать, что представительская теория ЕИО не только вполне применима на практике, но и находит всё больше поддержки на уровне отечественных судов, соответствует традиции континентального частного права (а также юрисдикций общего права) и более четко прослеживается в истории корпоративного права и корпоративного управления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Попов. — М. : Юрайт, 2014. — 519 с.
2. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2019. — Т. 1 : Общая часть. — 624 с.
3. Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. — 484 с.
4. Демьянова М. В. Принцип добросовестности в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 252 с.

⁶⁶ Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель.

5. Егоров А. В. Директор юридического лица: на стыке гражданского и трудового права // Закон. — 2022. — № 10. — С. 51–64.
6. Кононов П. И. Должностные лица в административных правоотношениях: понятие и виды // Полицейское право. — 2007. — № 1 (9). — С. 16–24.
7. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. — М.: Статут, 2019. — 735 с.
8. Крашенинникова И. С. Орган юридического лица: правовая природа, понятие, признаки // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2017. — № 4. — С. 27–32.
9. Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2014. — № 10. — С. 4–31.
10. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. — М.: Статут, 2017. — 159 с.
11. Мамагшишвили В. З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 3. — С. 36–73.
12. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. — М.: Статут, 1997. — Ч. 1. — 290 с.
13. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. — М.: М-Логос, 2018. — 1264 с.
14. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве: учеб.-практ. пособие. — 3-е изд. — М.: Дело, 2002. — 512 с.
15. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. — М.: Статут, 2000. — 299 с.
16. Сумской Д. А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — 43 с.
17. Черепашин Б. Б. Органы и представители юридического лица // Труды по гражданскому праву. — М.: Статут, 2001. — С. 467–477 с.
18. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М.: Юрайт, 2017. — 532 с.

Материал поступил в редакцию 28 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya bakalavrov / отв. ред. L. L. Popov. — М.: Yurayt, 2014. — 519 с.
2. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. / отв. ред. E. A. Sukhanov. — М.: Statut, 2019. — Т. 1: Obshchaya chast. — 624 с.
3. Gulyaev A. M. Russkoe grazhdanskoe pravo. Obzor deystvuyushchego zakonodatelstva i proekta Grazhdanskogo ulozheniya. — SPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1911. — 484 с.
4. Demyanova M. V. Printsip dobrosovestnosti v korporativnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2022. — 252 с.
5. Egorov A. V. Direktor yuridicheskogo litsa: na styke grazhdanskogo i trudovogo prava // Zakon. — 2022. — № 10. — С. 51–64.
6. Kononov P. I. Dolzhnostnye litsa v administrativnykh pravootnosheniyakh: ponyatie i vidy // Politseyskoe pravo. — 2007. — № 1 (9). — С. 16–24.
7. Korporativnoe pravo: uchebnik / отв. ред. I. S. Shitkina. — М.: Statut, 2019. — 735 с.
8. Krasheninikova I. S. Organ yuridicheskogo litsa: pravovaya priroda, ponyatie, priznaki // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 4. — С. 27–32.
9. Kuznetsov A. A. Organ yuridicheskogo litsa kak ego predstavitel // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2014. — № 10. — С. 4–31.

10. Kuznetsov A. A. Predely avtonomii voli v korporativnom prave: kratkiy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 159 s.
11. Mamageishvili V. Z. O znachenii teorii yuridicheskogo litsa v sovremennom korporativnom prave // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 3. — S. 36–73.
12. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. — M.: Statut, 1997. — Ch. 1. — 290 s.
13. Sdelki, predstavitelstvo, iskovaya davnost: postateynnyy kommentariy k statyam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / V. V. Baybak, R. S. Bevzenko, S. L. Budylin [i dr.]; otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2018. — 1264 s.
14. Sklovskiy K. I. Sobstvennost v grazhdanskom prave: ucheb.-prakt. posobie. — 3-e izd. — M.: Delo, 2002. — 512 s.
15. Suvorov N. S. Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu. — M.: Statut, 2000. — 299 s.
16. Sumskey D. A. Kontsepsiya organa yuridicheskogo litsa v teorii grazhdanskogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2007. — 43 s.
17. Cherepakhin B. B. Organy i predstaviteli yuridicheskogo litsa // Trudy po grazhdanskomu pravu. — M.: Statut, 2001. — S. 467–477 s.
18. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. — M.: Yurayt, 2017. — 532 s.